

РОССИЯ И АСЕАН: ПОИСКИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИНЕРГИИ И ПОЛИТИЧЕСКОГО ЕДИНОМЫСЛИЯ

АНТОН ЦВЕТОВ | МАЙ 2016

За последние три десятилетия — от выступления Михаила Горбачева во Владивостоке в 1986 году до саммита АТЭС в том же городе в 2012-м — Москва несколько раз пыталась придать Азиатско-Тихоокеанскому региону большее значение в своем внешнеполитическом портфеле.

Однако к 2016 году ситуация принципиально изменилась: российское руководство стремится увеличить взаимодействие с азиатскими партнерами не столько из-за накопившегося экономического и политического потенциала, сколько от потребности в новых источниках роста и необходимости диверсифицировать внешнеполитическую стратегию.

Сегодняшний «поворот на Восток» часто критикуют за его запоздалость, конъюнктурность и в некотором смысле протестный характер. Тем не менее благодаря нынешнему кризису отношений России и Запада этот «поворот» происходит уже не только в планах, а становится реальностью. Политический класс ищет пути интеграции России в Азию и более внимательно прислушивается к внутренним и внешним инициативам, которые могут в этом помочь.

Основные претензии критиков «поворота» — крен в сторону Китая и общая несбалансированность восточ-

ной стратегии России. Условия для поиска нового баланса трудно назвать оптимальными: другие крупные партнеры России в Северо-Восточной Азии (Япония и Южная Корея) связаны союзническими отношениями с США — и политический фон для развития отношений с ними пока не самый благоприятный. Китай в такой ситуации — очевидный выбор, к тому же не предполагающий столкновения с «враждебной» идеологией.

Чуть южнее основного азиатского партнера России располагаются 10 государств, входящих в Ассоциацию стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН). К 2050 году эти страны Юго-Восточной Азии (ЮВА), в которых проживают 600 млн человек, вместе могут стать четвертой экономикой мира. Однако в новом российском внешнеполитическом курсе страны АСЕАН чаще всего оказываются упомянуты лишь как красивое завершение ряда, где перечисляются формы участия России в делах Азии. Складывается ощущение, что доброжелательные отношения с АСЕАН

ОБ АВТОРЕ

Антон Цветов — эксперт Российского совета по международным делам.

нужны Москве, только чтобы показать многоплановость российского «поворота» и широту участия Москвы в глобальных процессах.

Таким образом, вопрос о реальном взаимодействии России и стран Юго-Восточной Азии (ЮВА) остается открытым. 20-летие создания диалогового партнерства Россия — АСЕАН, которое отмечается в 2016 году, удачный повод найти новые источники развития российско-асеановских отношений. Не претендуя на полный охват этой темы, мы предложим лишь два многообещающих направления поиска. Во-первых, новые ресурсы сотрудничества России и стран АСЕАН могут быть связаны с факторами, определяющими наиболее перспективные отрасли экономического взаимодействия с ЮВА, — от физической географии региона до его участия в процессах торговой либерализации. Во-вторых, мы обратим внимание на региональные модели государственного строительства, а также на наиболее значимые подходы к региональному порядку и посмотрим, как эти подходы соотносятся с глобальной ролью России.

ЗАТЯНУВШИЙСЯ СТАРТ

Россия не может похвастаться богатой позитивной историей отношений со странами АСЕАН: сама ассоциация, как и большинство ее членов, до распада СССР существовала в постоянном противодействии «красной угрозе». Даже с географически близким Китаем АСЕАН стала развивать нормальные отношения только после того, как Дэн Сяопин по совету сингапурского лидера Ли Куан Ю прекратил экспорт коммунистической идеологии в ЮВА.

Исключением был разве что Вьетнам и живущие под его сильным влиянием Лаос и Камбоджа. Крепкие военные и экономические связи, сформировавшиеся во время вьетнамской войны и в период послевоенного восстановления, заложили достаточно прочный фундамент двусторонних отношений. Но эти отношения в 90-е годы переживали не лучшие времена. У новой России просто не хватало

ресурсов, чтобы поддерживать связи с «традиционным» партнером, не говоря уже о каком-либо значительном расширении отношений со всей АСЕАН.

Тем не менее в июле 1996 года на 29-й ежегодной министерской встрече АСЕАН Россия получила статус партнера по диалогу. Это означало появление постоянных механизмов взаимодействия и в некотором смысле признание России как государства, заслуживающего дружественного внимания организации. В том же году Россия выразила желание принимать участие в только начинавших свою работу саммитах «Азия — Европа» (АСЕМ).

В середине 2000-х у России вновь появились ресурсы для развития взаимодействия с географически удаленными регионами. Соответственно, стала укрепляться и роль России как поборника многополярности. Развитие отношений с АСЕАН выглядело гармоничной составляющей такого политического курса. В 2004 году Россия присоединилась к Договору о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии, а в 2005-м президент РФ Владимир Путин, принимая участие в качестве наблюдателя в Восточноазиатском саммите (ВАС), объявил о стремлении России стать частью этого форума. России тогда вежливо отказали, сославшись на то, что ее отношения с АСЕАН содержательно не развиты.

На протяжении следующих лет ничего существенно не менялось. Интерес России к ЮВА в 2000-х носил неустойчивый характер, что, например, иллюстрирует нерегулярность встреч Россия — АСЕАН. Первый саммит диалогового партнерства состоялся почти через 10 лет после его создания — в декабре 2005 года, а второй — только в 2010-м, притом что изначально планировалось проводить такие мероприятия ежегодно. В 2010 году Россию приняли в АСЕМ, в 2011-м — в ВАС. Кроме того, Москва стала участвовать в одном из самых интересных «асеаноцентричных» форматов — встрече министров обороны АСЕАН и партнеров по диалогу (ADMM+).

Современный этап отношений России и стран АСЕАН можно отсчитывать от начала третьего президентского срока Владимира Путина, возвращение которого в Кремль в 2012 году сопровождалось большими ожиданиями активной и энергичной внешней политики, в том числе и на восточном направлении. Наблюдатели из числа экспертов по Азиатско-Тихоокеанскому региону (АТР) были воодушевлены внешнеполитическим «майским указом» президента (Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года №605 «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации») — в списке географических приоритетов регион оказался третьим после СНГ и ЕС. Причем в азиатской секции особое значение придавалось участию России в региональной интеграции, в том числе диалоговому партнерству с АСЕАН и участию в ВАС. «По именам» были названы лишь три страны — стратегические партнеры РФ: Китай, Индия и Вьетнам. Попадание Вьетнама и самого по себе, и как части ЮВА в программный внешнеполитический документ экспертное сообщество отмечало как важное событие — возлагались большие надежды на новый курс и на качественное изменение российско-асеановских отношений.

Ожидания скачка в отношениях России с АТР в целом и ЮВА в частности подпитывались и серьезным отношением руководства страны к Саммиту АТЭС во Владивостоке в 2012 году. Форум считался возможностью показать азиатским партнерам России перспективы Дальнего Востока, который так нуждается в инвестициях и широком международном сотрудничестве. Подготовка к саммиту — как содержательная, так и чисто техническая (приведение в порядок и обновление острова Русский и самого Владивостока) — внушала большой оптимизм. Однако как только саммит закончился, активность российских политических элит резко пошла на спад. Уже в ноябре состоялся саммит ВАС (первый для России как полноправного участника), на котором все страны, кроме России, представляли главы государств и правительств.

Ощущение, что ожидания, появившиеся после «майского указа», не оправдались, укрепилось после публикации в феврале 2013 года новой редакции Концепции внешней политики Российской Федерации. Сам АТР опустился на четвертое место среди региональных приоритетов, уступив место США, а в азиатской части на первый план вышла ШОС. Следом были обозначены другие многосторонние институты: АТЭС, диалог Россия — АСЕАН, АРФ (Региональный форум АСЕАН), АСЕМ, СВМДА (Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии), АДММ+. Из конкретных стран ЮВА в документе оказался лишь Вьетнам, да и того «обогнали» не только Китай, Индия и Япония, но и Монголия с Северной Кореей.

С тех пор можно отметить лишь один важный документ российской внешней политики, в котором встречается значимое упоминание ЮВА: Послание Президента РФ Федеральному собранию 2015 года. В нем Владимир Путин не только обратил внимание на созданную в том же году зону свободной торговли ЕАЭС — Вьетнам и напомнил о юбилейном саммите Россия — АСЕАН в Сочи в мае 2016 года. Он также выдвинул идею создания «экономического партнерства» ЕАЭС — ШОС — АСЕАН, которое сосредоточилось бы на «вопросах защиты капиталовложений, оптимизации процедур движения товаров через границы, совместной выработки технических стандартов для продукции следующего технологического поколения, на взаимном открытии доступа на рынки услуг и капиталов». Есть основания полагать, что такая громкая инициатива призвана продемонстрировать, что Россия хочет участвовать в тренде формирования макрорегиональных экономических партнерств вроде ТТП, ТТИП и ВРЭП.

Как уже упоминалось выше, у России не было позитивной истории отношений с большинством стран ЮВА, поэтому сегодня у нее отсутствует развитая партнерская сеть в регионе. Наиболее близок России Вьетнам, отношения с которым носят статус «всеобъемлющего стратегического партнерства». Согласно этой формуле, у Ханоя нет партнера более

значительного, чем Россия, кроме, разумеется, Китая, отношения с которым заслужили статус «всеобъемлющего партнерства и стратегического сотрудничества». Российско-вьетнамские встречи на высшем или высоком уровне проходят ежегодно и всегда сопровождаются пышной риторикой о традиционном характере двусторонних отношений и исторической дружбе двух народов.

Высокий статус партнерства и значительные объемы трансфера вооружений Вьетнаму дают России преференциальные условия использования возможностей глубоководного порта Камрань, где до 2002 года находился пункт материально-технического обеспечения российского (а ранее — советского) военно-морского флота. В 2014 году Вьетнам упростил процедуру захода в порт для российских кораблей. Более того, из-за утечки информации из Белого дома в 2015-м стало известно, что аэродром в Камрани используют российские дозаправщики, обслуживающие стратегические бомбардировщики Ту-95. Готовность Вьетнама предоставлять России такие условия, несмотря на бурно развивающиеся отношения с США и нейтралистскую политику «трех нет», говорит о том, что в политических элитах Вьетнама есть силы, которые считают Россию значимым партнером.

Итак, политическое и стратегическое присутствие России в ЮВА ограничивается крепким партнерством с Вьетнамом, которое в ближайшем будущем может начать терять свое относительное значение по мере того, как эта страна будет больше сближаться с США, Японией, Индией и ЕС. Однако пока значительные объемы военно-технического сотрудничества с Вьетнамом продолжают приносить России политические дивиденды. К сожалению, столь близких отношений с другими странами ЮВА у России сегодня нет.

Если же взглянуть на экономическое присутствие России в регионе, то мы увидим еще менее привлекательную картину. Благодаря низкой базе темпы роста торговли

Россия — АСЕАН последние десять лет выглядят внушительными. В период с 2005 по 2014 год товарооборот вырос более чем в пять раз. Однако даже по итогам этого увеличения в 2014 году (последний год перед резким падением российской внешней торговли) торговля России со странами ЮВА составила всего \$21,4 млрд. Это поставило Россию на 14-е место среди торговых партнеров АСЕАН. Во внешней торговле ассоциации на Россию пришлось менее 1% всего объема, АСЕАН в российской торговле занимает 2,7%. В структуре российского экспорта преобладали минеральные ресурсы (60%), машины и оборудование (14,5%), химикаты (13,8%)¹.

В инвестиционной области Россия тоже не выглядит сильным игроком на рынке АСЕАН. В 2012–2014 годах в экономики стран ЮВА пришло \$698 млн российских инвестиций, или 0,2% от общего входящего объема. Из этой суммы \$420 млн было вложено в один год в одну страну (Вьетнам, 2013 год)², что показывает слабую диверсифицированность российской инвестиционной стратегии в регионе.

Россия демонстрирует желание нарастить объемы торговли. В разное время были озвучены планы по удвоению объемов двусторонней торговли с Вьетнамом, Таиландом и Индонезией³. Сделать это стороны попытаются с помощью торговли в национальных валютах и таких инициатив, как зона свободной торговли (ЗСТ) ЕАЭС — Вьетнам, которая заявлена как один из шагов к общей либерализации торговых отношений между ЕАЭС и АСЕАН.

Если говорить о сильных сторонах российского экономического присутствия в ЮВА, то это три передовых и уже традиционных для России направления — нефтегазовая отрасль, ядерная энергетика и военно-техническое сотрудничество (ВТС).

Пока до конца непонятно, какое место должна занять ЮВА в российской стратегии диверсификации поста-

вок энергоносителей в Азию. Сегодня покупателями российской нефти и газа в регионе являются Сингапур и Малайзия. Ряд проектов реализуется и с Индонезией, однако лидирующий партнер России в регионе в этой области — тот же Вьетнам с несколькими проектами как на своей территории, так и в самой России.

В области атомной энергетики сотрудничество с Вьетнамом снова оказывается наиболее успешным. Россия строит на юге страны АЭС «Ниньтуан-1» и обеспечивает сопутствующие услуги и подготовку кадров. Кроме того, еще с 2007 года Россия предлагает строительство АЭС в Мьянме, однако какие-то позитивные изменения наблюдались здесь только в 2015-м. В 2014 году был подписан меморандум о взаимопонимании в области использования мирного атома с Таиландом, а в 2015-м Россия подключилась к работе по исследованию и разработке ядерных реакторов в Индонезии.

Одними из самых ходовых российских товаров на рынке стран ЮВА всегда были именно вооружение и военная техника. Исторически крупнейшим покупателем был Вьетнам, таковым он и остается. Среди крупных покупок — истребители, фрегаты, противокорабельные ракеты, системы ПВО и подводные лодки «Варшавянка», последняя из которых будет доставлена во Вьетнам в конце 2016 года. Кроме того, вьетнамские верфи по лицензии производят корветы «Тарантул».

Индонезия также закупает российскую военную технику — боевые машины пехоты, вертолеты и истребители. На авиатехнику есть заказы в Малайзии, а недавно стало известно о возможном расширении поставок в Таиланд. В конце 2000-х и начале 2010-х Мьянма закупила некоторое количество самолетов МиГ, и сотрудничество с этой страной может быть продолжено.

Таким образом, связи России и членов АСЕАН сегодня можно охарактеризовать как фрагментарные и незначи-

тельные по объему, широте и глубине. К такому положению дел привели следующие причины:

- Страны ЮВА никогда не были приоритетом российской внешней политики и не являются таковым сегодня. В рамках нового витка активизации восточной политики России ЮВА представляется как минимум второстепенным участком приложения усилий. На первом плане находятся Китай и страны Северо-Восточной Азии. С учетом ухудшения экономического положения России трудно ожидать в ближайшее время высвобождения дополнительных ресурсов и качественных изменений в этой системе приоритетов.
- Развитие отношений со странами АСЕАН осложняется слабой политической и экономической базой. Пока Россия накапливала необходимые ресурсы для «поворота на Восток», другие игроки — прежде всего Китай и США — успели значительно укрепиться в ЮВА. Для Китая это один из важнейших регионов-соседей, благоприятное положение которого необходимо для спокойного развития. США же с началом политики «перебалансировки» стали уделять ЮВА особое внимание — заговорили даже о «повороте в повороте», то есть от Северо-Восточной Азии к Юго-Восточной. На этом фоне Россия играет роль догоняющего игрока, вынужденного проходить многие этапы, давно преодоленные конкурентами.
- В силу географической удаленности и отсутствия общей истории российское общество и элиты практически не информированы о том, что происходит в ЮВА. Межличностные связи — слабейшая часть взаимодействия России и АСЕАН, они выглядят очень скромно даже по сравнению с экономическим сотрудничеством. Наблюдатели знают, сколь медленно происходит в российском правящем классе сдвиг в сторону понимания необходимости более тесной работы с Китаем. Ситуация со странами ЮВА значительно хуже. В таких

условиях не может развиваться эффективная экспертиза, исследования и кадровая политика — как в бизнесе, так и в органах государственной власти.

Один из сложнейших вызовов, с которым придется столкнуться России, если она решит действовать активнее в ЮВА, — эскалация проблемы Южно-Китайского моря (ЮКМ). На сегодняшний день позицию России можно считать сугубо нейтральной: Москва не поддерживает ничьих территориальных претензий, выступает за урегулирование споров политико-дипломатическими методами, за соблюдение Декларации о поведении сторон в ЮКМ, за скорейшее заключение Кодекса о поведении сторон и за приверженность нормам международного права.

Еще один пункт российской позиции по ЮКМ, несмотря на то что он озвучивался и раньше, недавно заставил некоторых наблюдателей говорить о сближении взглядов Москвы и Пекина. В апреле 2016 года министр иностранных дел РФ Сергей Лавров заявил, что Россия не поддерживает интернационализацию споров в ЮКМ, что вызвало большое одобрение китайской стороны и серьезное напряжение во Вьетнаме. Подобная позиция России видится логичным продолжением общей идеологической линии российской внешней политики на противодействие любому вмешательству извне.

Этот случай показывает, что восприятие российской позиции, а также ее политические последствия будут меняться по мере ухудшения ситуации вокруг ЮКМ, даже если сама позиция останется без изменений. Активизация американского военного присутствия на Филиппинах, продолжение операций по обеспечению свободного судоходства (FONOP) ВМС США, возможное строительство Китаем искусственных сооружений на рифе Скарборо, размещение новых вооружений или модернизация старых на китайских островах и образованиях — все эти факторы способствуют росту напряжения в регионе. Резкое

ухудшение может произойти после вынесения вердикта постоянного арбитража в Гааге летом 2016 года, который с высокой долей вероятности признает «девятипунктирную линию» КНР юридически ничтожной.

Страны — участницы территориального спора будут стремиться заручиться поддержкой внешних игроков, и интернационализация спора, несомненно, продолжится. Парадоксальным образом заявления России о том, что в ситуацию вокруг ЮКМ не должны быть включены посторонние силы, только способствуют этому. Дело в том, что такая позиция Москвы отвечает западному нарративу, согласно которому ослабленная санкциями и поссорившаяся с Западом Россия оказалась в политической зависимости от Пекина: он принудит Россию если не занять прокитайскую позицию, то по крайней мере смолчать в случае перехода конфликта в военную фазу.

Поэтому у России сегодня нет задачи играть более активную роль в ЮКМ. Большим успехом российской дипломатии будет сохранение стратегического партнерства и с Китаем, и с Вьетнамом на нынешнем уровне, даже когда ситуация вокруг ЮКМ будет ухудшаться. Для этого необходимо, воспользовавшись двусторонними дипломатическими каналами, противодействовать попыткам втянуть Россию в территориальный спор и интерпретировать российскую позицию как прокитайскую или провьетнамскую. Имеет смысл в закрытом режиме сообщить, что такие интерпретации не отвечают интересам России.

В то же время военно-техническое сотрудничество Вьетнама с Россией означает для Китая повышение издержек от гипотетического вооруженного столкновения. Это может уменьшить риск перехода конфликта в военную фазу, если параллельно будут развиваться каналы и механизмы китайско-вьетнамских политических коммуникаций по предотвращению случайных столкновений. Такая форма участия России в ситуации вокруг ЮКМ может оказаться перспективной.

В более общем контексте развивающегося противостояния США и Китая в ЮВА Россия пока не стала незаменимым элементом региональной системы. Так считают и в Вашингтоне, и в Пекине, хотя участие Москвы имеет для обеих столиц демонстрационное значение. Для России и США будет ошибкой проецировать общую натянутость двусторонних отношений на расстановку сил в ЮВА и относиться друг к другу с недоверием из-за того, что их интересы в других регионах мира редко совпадают.

Благодаря относительно стабильной политической ситуации в ЮВА у России есть возможность расширить свое присутствие здесь, не выделяя значительных военно-политических ресурсов. Региональные игроки считают конкуренцию в области торговли и инвестиций гораздо более безопасной, чем борьбу за политическое влияние или военное превосходство. К сожалению, именно опыта экономической и деловой экспансии России пока не хватает.

Одним из важных практических направлений могло бы стать увеличение активности России в существующих институтах многосторонней дипломатии — так, участие президента в Восточноазиатском саммите уже было бы значительным шагом. Кроме того, Россия может сделать активным и свой нейтралитет, призвав США к ратификации Конвенции ООН по морскому праву и объявив, что политические разногласия конкретных государств не должны влиять на свободу экономической деятельности в регионе и не должны ставить под угрозу безопасность торговых путей.

Можно ли говорить о том, что АСЕАН «ждет» Россию в регионе? С одной стороны, главный геополитический страх стран ЮВА — оказаться втянутыми в открытую конфронтацию между США и Китаем. Специфика момента подталкивает их в сторону США, однако выгоды такого сближения закончатся ровно в тот момент, когда в Пекине решат, что чрезмерная близость к США делает страны региона ненадежными партнерами. Тогда выгоды от сбли-

жения с США перестанут перевешивать убытки, связанные с отдалением от Китая.

Пока этот момент не настал, страны АСЕАН заинтересованы в большем количестве игроков в регионе. Сегодня такую роль берут на себя «внешние средние» державы — Япония и Индия. Аналогичным образом в региональных делах могла бы участвовать и Россия, что, скорее всего, приветствовали бы страны АСЕАН. Появление в ЮВА игрока, который близок к Китаю, но не является его союзником, может стать безопасным способом ослабить свойственное ему ощущение «осажденной крепости» и изменить региональный баланс сил «Китай против всех».

Другой вопрос — готова ли Россия играть такую роль? Может ли она говорить со странами ЮВА о тех вещах, которые актуальны для них? На сегодняшний день это не так и российское руководство не стремится быть вовлеченным в региональные процессы. Россия сегодня видит свои интересы в регионе в первую очередь в сохранении стратегических партнерств с Китаем и Вьетнамом — и именно это определяет ее позиции по большинству проблем (там, где эти позиции есть). Однако за пределами этой небольшой области есть целый спектр новых форм и областей сотрудничества, которые необходимо внимательно рассмотреть.

НОВЫЕ РЕСУРСЫ ПАРТНЕРСТВА

Причины, по которым отношения России и стран ЮВА оказались недостаточно развиты, в основном носят инерционный характер. Не существует онтологических препятствий на пути развития такого сотрудничества, как не существует и явных интересов, которым бы оно противоречило. Это значит, что ключевой задачей на пути к более активной политике России в ЮВА является поиск новых сфер и направлений взаимодействия, осознание возможности работать в этих направлениях и выработка политической воли.

Искать эти новые точки развития отношений России и членов АСЕАН нужно прежде всего в факторах, определяющих потребности современной Юго-Восточной Азии. Стартовав с низкой базы еще в 1970-х, члены АСЕАН опережали по темпам роста большую часть мира. Источники их роста находились в потребительских рынках Европы и США, однако сегодня ситуация меняется и темпы потребления в самих странах ЮВА — одни из самых высоких в мире. Рост доходов населения способствует ускоренному формированию среднего класса, и если в 2014 году компания McKinsey называла цифру в 67 млн домохозяйств (с доходом выше \$7,5 тыс. в год), то уже к 2025 году это число удвоится⁴. В крупных городах с населением более 200 тыс. человек сегодня проживает порядка 22% от 600 млн населения государств, входящих в АСЕАН.

Бурное развитие промышленности в большинстве стран ассоциации и сферы услуг в наиболее благополучных из них означает, что растет потребность и в улучшении транспортной, энергетической и социальной инфраструктуры — всех тех сфер экономики, без которых производственный сектор и услуги не смогут развиваться устойчиво и безопасно. И в большинстве этих сфер члены АСЕАН по-прежнему полагаются на импортные технологии, практики и капитал.

Энергетика

По прогнозам Международного энергетического агентства, на протяжении следующих 20 лет спрос на нефть, газ и уголь в странах ЮВА продолжит расти. Общий спрос на электроэнергию к 2040 году вырастет на 80%, или на 1 млрд тонн нефтяного эквивалента. Доля электроэнергии, производимой на угле, вырастет с 32 до 50%, вопреки глобальному тренду на снижение.

Добыча нефти внутри АСЕАН продолжит снижаться, а спрос будет расти. Зависимость от импорта нефти к 2040 году достигнет 80%. В газовой отрасли будет

увеличиваться и производство, и спрос, однако к 2040 году рост потребности в газовом топливе обгонит собственную добычу, превратив АСЕАН в нетто-импортера газа. К этому моменту страны региона будут тратить на углеводороды \$300 млрд в год⁵.

Учитывая растущее потребление газа и значимость этого вида топлива для АСЕАН, страны блока возлагают большие надежды на единую газопроводную сеть Trans-ASEAN Gas Pipeline (TAGP)⁶. К середине 2015 года в строю находились 13 газопроводных соединений протяженностью 3300 км. С 2012-го в проекте TAGP учитываются транспортировки сжиженного природного газа в тех случаях, где строительство газопроводов нецелесообразно, и в сеть мощностей TAGP уже входят четыре регазификационных терминала. В числе проблем, с которыми сталкивается этот участок TAGP, — недостаток источников газа и большой объем необходимых инвестиций в инфраструктуру.

Для обеспечения энергетической безопасности странам ЮВА понадобится усиленная интеграция энергосетей. Развитие гидроэлектроэнергетических мощностей в Мьянме, Лаосе и Камбодже позволит уменьшить загрузку энергопроизводства во Вьетнаме, Таиланде, сократить объем импорта электричества. Бруней сможет увеличить экспорт газа, получая больше электричества через границу. Малайзийский штат Саравак (остров Борнео) сможет нарастить производство электричества на ГЭС, а его связь с индонезийской частью острова позволит сократить существующее там дорогое производство энергии на ТЭС.

Более 120 млн человек в ЮВА по-прежнему не имеют доступа к электричеству⁷. Традиционная модель подсоединения этих домохозяйств к централизованной национальной сети может не сработать, особенно для многочисленных островов Индонезии и Филиппин, где население получает электричество с помощью неэффективных дизельных генераторов. Более разумным решением может стать подача электричества в рамках межасеановской сети

или создание локальных микросетей, получающих питание в том числе и из возобновляемых источников.

Сегодня проект единой энергосети АСЕАН (ASEAN Power Grid) далек от завершения — в 2015 году работали лишь 6 из 16 соединений. Из 164 ГВт производимого электричества по сети передается лишь 3,4 ГВт. Нынешние соединения по большей части двусторонние. Со временем они должны объединиться в три субрегиональных блока, а потом и в единую сеть АСЕАН⁸.

Несмотря на растущее глобальное потребление, цены на нефть остаются невысокими. В этой ситуации существует угроза появления дисбаланса между спросом и предложением на энергетических рынках АСЕАН. Для того чтобы нивелировать последствия волатильности рынка нефти, страны региона будут стремиться к диверсификации источников энергии, в том числе в пользу возобновляемых.

Так, в октябре 2015 года министры энергетики АСЕАН договорились к 2036 году довести долю возобновляемых источников в структуре потребления с нынешних 15 до 23%⁹. Наиболее амбициозные цели ставят себе Индонезия (25% к 2025 году), Таиланд (25% к 2022 году) и Филиппины (50% к 2030 году)¹⁰.

Достичь общих для АСЕАН 23% можно, например, разрабатывая гидроэнергетический сектор в малайзийском Сараваке и в Лаосе, для которого это будет к тому же серьезным стимулом к развитию. В области солнечной энергии безусловным лидером является Таиланд, который производит такой энергии больше, чем все остальные члены АСЕАН вместе взятые. К 2036 году страна планирует довести солнечные мощности до 6 ГВт, или 9% от общего производства электроэнергии¹¹. В то же время соседняя Малайзия уже сегодня находится на третьем месте в мире по объему производства солнечных панелей. Стремление стран ЮВА ослабить роль углеводородного сектора выра-

жается и в попытках урезать субсидирование нефтегазовой отрасли (в 2014 году субсидии составляли \$36 млрд¹²). Правда, в Индонезии, Малайзии, Таиланде и Мьянме это было связано с высокими ценами из-за мирового финансового кризиса, и трудно сказать, насколько сильна будет эта мотивация в дальнейшем.

Атомная энергетика в ЮВА имеет ограниченную область применения, однако в некоторых странах будет играть важную роль. Прежде всего речь идет о Вьетнаме, где запланировано строительство четырех реакторов и возможно увеличение их числа до 10. Есть предложения и для Индонезии, Малайзии, Филиппин. Крупным клиентом может стать Таиланд, который, по оценкам МЭА, может приступить к строительству АЭС в промежутке между 2026 и 2030 годом¹³.

Для России участие в региональной энергетической системе имеет большой потенциал. Растущая потребность в газе и сети регазификационных терминалов создает рынок как собственно поставок СПГ, так и энергетической инфраструктуры, что может заинтересовать «Газпром». Необходимость в электрификации, в том числе локальной, — потенциальный рынок для электросетевых компаний, энергетических компаний и поставщиков оборудования («Русгидро», «Россети», «Силовые машины», «Технопромэкспорт», «Атомстройэкспорт»).

«Чистая» экономика

Развитие возобновляемых и альтернативных источников энергии в странах ЮВА связано не только с желанием повысить энергетическую безопасность. Всевозможные «чистые» технологии и инвестиции в эти отрасли в ближайшие годы будут востребованы в регионе — плотное расселение вдоль побережья делает территории АСЕАН крайне уязвимыми из-за последствий глобального изменения климата и загрязнения окружающей среды. К 2025 году под угрозой затопления жилищ окажутся 115 млн человек, живущих в прибрежных городах¹⁴.

Развитие энергоэффективности — один из самых простых способов экономить средства и уменьшать нагрузку на окружающую среду. По оценкам Азиатского банка развития, странам ЮВА для выполнения национальных целей по энергоэффективности и сокращению выбросов парниковых газов необходимо \$11 млрд до 2020 года и еще \$15 млрд до 2030-го. Эти инвестиции будут крайне выгодными: если в Брунее, Индонезии, Малайзии, Таиланде, Вьетнаме и на Филиппинах доля инвестиций в энергоэффективность будет составлять 1–4% от общих вложений в энергетику, то на них придется от 8 до 25% увеличения первичного потребления энергии¹⁵.

Важной задачей для членов АСЕАН остается управление водными ресурсами. Основная проблема континентальной части региона — равноправный доступ к ресурсам реки Меконг. Располагающиеся выше по ее течению страны, устанавливая дамбы, определяют функционирование целых экосистем, крупных сельскохозяйственных блоков и влияют на качество жизни тех, кто живет ниже по течению. Для островных государств ЮВА ключевой проблемой остается доступ к чистой и питьевой воде. Например, в 2014 году в Индонезии только 68% населения имели такой доступ¹⁶.

Отдельная проблема — предупреждение, быстрое реагирование и ликвидация последствий природных и техногенных катастроф. Тайфуны, землетрясения, наводнения и засухи относятся к числу наиболее опасных природных бедствий, из-за которых страны региона в среднем теряют по 0,5% ВВП в год (для некоторых стран это значение достигает 5%)¹⁷. Бедствия бывают и рукотворными. Например, практически ежегодное появление «индонезийского дыма» связано с отсталыми подсебно-огневыми техниками ведения сельского хозяйства на Суматре и Калимантане в сухой сезон. Ветер гонит дым от лесных пожаров, который загрязняет воздух практически во всех странах ЮВА, особенно в Сингапуре.

В области реагирования и ликвидации последствий стихийных бедствий Россия может многое предложить странам региона, причем не только в качестве безвозмездной помощи в ходе самих ЧС, но и в виде поставок техники и технологий — от многоцелевых самолетов и машин до индивидуальных средств защиты и программ подготовки.

Транспортная инфраструктура

Недостаток инфраструктуры — историческая проблема региона ЮВА. В островных государствах ее усугубляют низкие показатели инвестиций и физико-географические сложности. По некоторым расчетам, между 2014 и 2030 годом членам АСЕАН понадобится инвестировать в инфраструктуру около \$3,4 трлн¹⁸. Эта сумма от двух до шести раз (в зависимости от государства) больше исторических значений за аналогичные периоды. Уже к 2020 году недостаток инвестиций в портовые мощности может составить 52% от необходимых, в аэропортовые — 59%¹⁹.

Среди крупных региональных инфраструктурных проектов — шоссейная сеть АСЕАН (ASEAN Highway Network, АНН) и железная дорога Сингапур–Куньмин (Singapore-Kunming Rail Link). Проект АНН — это 38 тыс. км дорог, связывающих страны ассоциации. Проект почти завершен, однако около половины построенных дорог — низшего из всех стандартов качества. Высокоскоростная железнодорожная сеть SKRL к 2022 году должна соединить Сингапур с китайским Куньмином через три ветки, которые будут проходить через Мьянму, Лаос и Вьетнам.

Портовая инфраструктура играет центральную роль в регионе, страны которого фактически соединены внутренним морем (Южно-Китайским). Через эту акваторию проходят важные мировые логистические пути, что делает развитие морских перевозок в АСЕАН задачей не только внутренних экономических коммуникаций, но и повышения уровня связанности стран ЮВА с глобальными рынками. Три страны региона входят в топ-50 Индекса глобальной связан-

ности — Сингапур (4-е место), Малайзия (18-е) и Таиланд (36-е)²⁰. Сегодня страны региона стремятся создать единый рынок морских перевозок (ASEAN Single Shipping Market) в рамках Стратегического плана развития транспорта на 2016–2025 годы (ASEAN Transport Strategic Plan 2016 to 2025). Реализация этих замыслов потребует значительного развития 47 ключевых портов АСЕАН.

Рынок авиации ЮВА меняется под воздействием факторов роста производства, потребления, туризма и внутрирегиональной связанности. Компания Boeing прогнозирует среднегодовые темпы роста авиационного рынка в ЮВА в течение следующих 20 лет в районе 6,5% в год. За это время региону понадобится порядка 3750 новых самолетов общей стоимостью \$550 млрд. В пассажирских перевозках уже сегодня 60% рынка приходится на компании-лоукостеры, поэтому дешевые среднемагистральные рейсы, видимо, останутся самым сильным сегментом. Рост авиаперевозок потребует развития аэропортовой сети, особенно во Вьетнаме, Индонезии и на Филиппинах. Единый авиарынок АСЕАН, который должен начать работать уже в 2016 году, будет только способствовать развитию спроса.

Россия уже может похвастаться крупным проектом строительства железной дороги в Индонезии, на острове Калимантан (реализует ПАО «РЖД»), однако на инфраструктурном рынке существует серьезная конкуренция со стороны корейских, китайских и японских компаний.

Внедрение и разработка ИТ

Одним из путей обеспечения устойчивого развития страны АСЕАН считают укрепление сектора ИТ-услуг и внедрение высоких информационных технологий. По оценкам McKinsey, существует пять ключевых технологий, которые могут к 2030 году дать странам ЮВА \$625 млрд дополнительного дохода: это мобильный интернет, большие данные, интернет вещей, автоматизация обработки информации и облачные технологии²¹.

Страны ЮВА находятся на самых разных концах спектра качества цифровой среды. Так, в рейтинге Network Readiness Index, измеряющем готовность стран внедрять ИТ-инновации, в 2014 году Сингапур занял 2-е место, а Мьянма — 146-е из 148. Малайзия и Бруней вошли в топ-50, а Индонезия, Таиланд, Филиппины и Вьетнам расположились между 64-й и 84-й позициями²².

В числе отраслей, где ИТ-инновации будут внедряться наиболее быстро, — мобильные платежи, электронная коммерция, онлайн-игры и интернет-реклама²³. Сингапур остается в фарватере развития всевозможных «умных» технологий, их интеграции в единые городские системы, а также технологий и практик электронного правительства. Менее развитые страны, такие как Вьетнам и Филиппины, будут стремиться занять ниши аутсорсинга услуг разработки и технической поддержки ПО, в том числе игрового.

Страны АСЕАН по мере экономического развития становятся и богатым потребительским рынком в цифровой сфере. Проникновение мобильной связи в регионе — 124%, интернета — 40%²⁴. В регионе зарегистрировано 233 млн пользователей социальных сетей, почти 200 млн из них активны на мобильных платформах. При этом в некоторых странах у глобальных технологических лидеров есть сильные конкуренты — в Таиланде у корейского мессенджера Line количество пользователей в месяц сравнимо с Facebook, а во Вьетнаме российский браузер и поисковик Сбс Сбс второй по популярности после Google Chrome — почти с 20% рынка.

Последний пример показывает, что Россия неожиданно заметно присутствует на рынке ИТ. У «Лаборатории Касперского» есть региональный офис, и она успешно работает в странах ЮВА, как и ряд других компаний, занимающихся платежами, сетевой безопасностью, управлением бизнесом. А растущая индустрия ИТ-стартапов открывает большие возможности для присутствия рос-

сийского венчурного капитала и трансфера технологий как в регион, так и из него.

Экономическая интеграция

ЮВА — регион, особенно интересный происходящими здесь интеграционными процессами. С 31 декабря 2015 года в АСЕАН официально действует экономическое сообщество (ASEAN Economic Community, АЕС). В идеале сообщество подразумевает свободное движение по региону товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов. Фактически до достижения такого состояния еще далеко, особенно учитывая, что по большинству обязательств для четырех стран, вступивших в АСЕАН последними (Камбоджа, Лаос, Мьянма, Вьетнам, т. н. CLMV), действуют продленные сроки реализации.

С помощью АЕС страны группировки стремятся создать единую производственную базу, а с помощью политики единого рынка — предоставить глобальным инвесторам доступ ко всей АСЕАН через каждую отдельную страну. Беспшлинная торговля — то, чем гордится ассоциация. В 2014 году около 70% всей внутриваловой торговли было беспшлинным и только для 5% действовали тарифы выше 10%. В инвестиционной сфере основной инструмент либерализации и защиты — Всеобъемлющее соглашение по инвестициям АСЕАН (ASEAN Comprehensive Investment Agreement, АСИА), однако пятерка основателей ассоциации только подходит к оформлению этих обязательств, а Бруней и страны CLMV еще далеко позади.

Одна из самых сложных сфер — интеграция рынков капитала. С 2011 года действует система ASEAN Exchanges, объединяющая семь бирж из шести стран АСЕАН (две из Вьетнама) в единую информационную систему. В рамках проекта, например, выделяются 180 «звезд АСЕАН» — по 30 компаний с «голубыми фишками» из каждой страны. Однако настоящим шагом к интеграции должен был стать проект ASEAN Trading Link, который пока соединяет только три биржи системой трансграничной

торговли — Сингапур, Малайзию и Таиланд. Еще остаются сложности, вызванные недоразвитостью страновых рынков капитала и слабостью юридической базы, над которой работает Форум рынков капитала АСЕАН.

При реалистическом сценарии страны АСЕАН смогут закончить создание сообщества не раньше 2030 года. Их торопит, с одной стороны, международная конкуренция, с другой — опасность попасть в ловушку среднего уровня развития, которая существует для многих из стран блока. Конкурентное преимущество дешевой рабочей силы будет быстро уходить в прошлое, в то время как производительность труда и квалификация рабочих могут расти недостаточными темпами. Поэтому экономическая интеграция для стран АСЕАН — способ привлечь внимание международного бизнеса к себе как к единому образованию. Позиционирование АСЕАН с приставкой «если бы мы были одной экономикой» стало эффективным способом выделиться на фоне других регионов мира.

Помимо собственного интеграционного проекта страны ЮВА вовлечены в процесс формирования двух торговых мегаблоков — Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП) и Транстихоокеанского партнерства (ТТП). ВРЭП представляет собой расширение и объединение в единую систему зон свободной торговли (ЗСТ) АСЕАН с шестью партнерами — Японией, Китаем, Южной Кореей, Индией, Австралией и Новой Зеландией. Такой формат интеграции позволяет АСЕАН выступать в ВРЭП в относительно консолидированном виде, сохраняя свою «центральную роль» в процессе согласования условий торговой либерализации.

Однако конкурирующий с ВРЭП мегаблок ТТП пока оказывается более успешным: соглашение было подписано в 2015 году и находится на этапе ратификации. Положения ТТП — это не только снижение тарифных барьеров и общее продвижение свободной торговли, они сближают страны-участницы в области инвестиций, прав интел-

лектуальной собственности, норм арбитража, трудового законодательства, регулирования деятельности госкомпаний. Условия уже согласованы, и все, кто не вошел в число 12 стран-основательниц, присоединяясь к соглашению, будут вынуждены их принимать.

В число участников ТТП входят такие страны ЮВА, как Вьетнам, Малайзия, Бруней и Сингапур. Свое намерение присоединиться высказывала Индонезия. Вьетнам и Малайзия получают наибольшую экономическую выгоду от подписания соглашения. В то же время только частичное вхождение АСЕАН в ТТП может стать проблемой для ассоциации, создав новые разделительные линии. Крупные торговые и инвестиционные партнеры АСЕАН из ТТП — США, Канада, Япония, Австралия — будут отдавать предпочтение тем асеановским членам, что вошли в блок. Это может привести к переносу производств и смене структуры регионального экономического сотрудничества. Например, Таиланд будет проигрывать Вьетnamу и Малайзии борьбу за инвестиции, если не захочет вступить в ТТП.

При этом для внешних партнеров и инвесторов участие ряда стран ЮВА в ТТП — хорошая новость. Размещенные в этих странах производства смогут экспортировать свои товары на огромный рынок с такими гигантами потребления, как США и Япония. Поэтому в ближайшее время мы увидим увеличение потоков иностранных инвестиций во Вьетнам и Малайзию, которые, скорее всего, воспользуются этими возможностями для улучшения качества экономического роста.

ИДЕОЛОГИЯ: ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ

Хотя АСЕАН очень далека от России географически, сама ассоциация и ее страны-участницы чрезвычайно интересны с точки зрения стратегий национального развития, отстаиваемых ценностей и принципов мироустройства. Некоторые из этих принципов Россия уже защищает, иные могут оказаться полезными в перспективе.

Антиуниверсализм

АСЕАН часто сравнивают с ЕС и даже называют его ближайшим конкурентом по успешности интеграционного проекта. И так же часто говорят о том, что если ЕС объединяет европейские демократии, страны культурно и политически близкие, то члены АСЕАН отличаются друг от друга значительно сильнее. Несмотря на то что изначально блок формировался по идеологическим соображениям — как защита от коммунистической угрозы, — сейчас политические системы стран-участниц отличаются настолько, насколько это вообще возможно.

Во Вьетнаме Коммунистическая партия по-прежнему у власти, но при этом активно внедряет рыночные формы управления экономикой, не отказываясь от целей построения социализма. В Лаосе социалистическая доктрина трактуется более жестко, а в Камбодже, несмотря на монархический строй и близкую к Вьетnamу «народную» партию у власти, существует энергичная оппозиция. Достаточно развитую демократию в Индонезии оттеняют коррупционные проблемы Филиппин и Малайзии, а у последней есть еще и сложности с прозрачностью и сбалансированностью электоральной системы. Сингапурская форма правления глубоко несовершенна по меркам западного понимания демократии, однако в широком смысле лучше и эффективнее, чем поляризующая общество политическая борьба в Таиланде, приведшая в 2014 году к военному правлению. О султанате Бруней пишут немного, однако там монархические тенденции приобрели остро религиозный оттенок с недавним введением шариата. Наконец, есть Мьянма, которая медленно и болезненно переходит от военной формы правления к гражданской, продвигаясь одновременно к межэтническому миру.

Разнообразие политических систем дополняется этноконфессиональными различиями. Индонезия и Малайзия — одни из крупнейших исламских стран мира. Население Филиппин почти полностью христианское. Таиланд, Лаос и Камбоджа по большей части

буддийские страны, а в соседней Мьянме эта религия зачастую приобретает радикальные формы. Во Вьетнаме буддизм другого течения сочетается с глубоко укорененными (и отчасти политизированными) анимистическими верованиями, хотя официально большинство вьетнамцев атеисты.

Несмотря на все эти различия, страны АСЕАН достаточно успешны в своем экономическом развитии и почти так же хорошо уживаются в рамках одного сообщества. Отчасти причиной, а отчасти следствием такого единства в многообразии можно считать неприятие универсалистских подходов к государственному строительству и толерантность к национальным особенностям развития. Страны ЮВА не пытаются навязывать друг другу свои формы правления и государственного устройства как единственно верные.

Тесно связан с таким подходом и принцип невмешательства. По сути ни о какой политической интеграции в АСЕАН речь не идет, поэтому страны блока редко позволяют себе комментировать и тем более влиять на внутреннюю политику друг друга. Их больше интересует свободный рынок и взаимовыгодное экономическое развитие. Так, резкая смена власти в Таиланде в 2014 году не сделала его изгоем в АСЕАН, и отношения военной администрации в Бангкоке с оппозицией не особо интересуют другие столицы региона.

В какой-то мере эти принципы можно свести к внешнеполитическому реализму, противопоставленному идеалистическому взгляду на мир. Члены АСЕАН признают, что существуют общие ценности, однако они не связаны с внутренним устройством государства: в АСЕАН понимают, что невозможно вывести единые для всех политические принципы. В центре внимания стоит экономическое развитие или даже соразвитие, оправдывающее почти любые политические несовершенства, которые осуждают внешние игроки.

Рост важнее свободы

Центральное значение в системе приоритетов почти всех членов АСЕАН занимает экономический рост. Именно стремление обеспечить процветание и формирует вышеописанные различия в национальных моделях развития. Конечно, играет заметную роль и история, и этническая динамика каждой конкретной страны, и специфика политической элиты, однако для многих стран региона именно рост благосостояния населения сегодня является основным инструментом легитимации правящего класса.

Модель развития Сингапура — яркий тому пример. Именно сочетание фантастических темпов роста, эффективности государственного управления и ригидности политической системы сделало его иконой авторитарных систем по всему миру. «Сингапурское чудо» стало одновременно недостижимым идеалом и поводом для отказа от либеральных теорий экономического роста в других странах. Апологеты этой модели развития считают, что в сменяемости власти нет необходимости, если правящий класс выполняет и перевыполняет обязательства по улучшению качества жизни населения. Фактически это концентрированный вариант классического общественного договора: граждане страны отказываются от еще большего числа личных и политических прав, чем обычно, в обмен на еще большее благополучие и безопасность, чем обычно.

В сингапурском случае такой договор закрепляется и огромными техническими возможностями государства. Цифровая система наблюдения и обработки данных PRISM обеспечивает беспрецедентный контроль за населением, которое получает от правительства гарантии, что персональные данные будут использоваться исключительно во благо граждан. Подобная модель «государства-няни» близка традиционным азиатским патерналистским течениям, когда забота правителя о благе людей подразумевается априори.

Как и в Сингапуре, в большинстве стран ЮВА экономический рост и улучшение реального благосостояния насе-

ния — важнейший источник легитимности политических систем. В то же время для обеспечения политического контроля элиты часто используют экономические рычаги, а во многих случаях не могут удержаться от собирания ренты. Поэтому в обществах ЮВА сильны этатистские тенденции. Государство здесь — самый важный игрок социального пространства, представляет ли его король и его семья, коммунистическая партия или избранный президент. Сильна централизация власти, активны государственные корпорации, велика роль бюрократии, которая часто стремится преподнести экономические успехи как свою заслугу и этим оправдать недостаточную прозрачность.

Трудно сказать, как долго экономический рост сможет обеспечивать стабильность режимов в ЮВА, — впрочем, в значительной степени благодаря стабильности сюда продолжают приходить иностранные инвестиции. Нынешние общественные договоры в странах ЮВА работают в том числе и потому, что большая доля их населения — политически пассивные сельские жители, а гражданское общество пока не достигло зрелости. Там, где формируется образованный городской класс, появляются и угрозы для стабильности, раскол в обществе — речь идет прежде всего о Таиланде и Малайзии, в некотором смысле и Вьетнаме. Невозможно прогнозировать, смогут ли нынешние политические элиты стран ЮВА справиться с запросами этих новых социальных сил и склонить их в сторону традиционного консенсуса.

Многополярный мир

Для АСЕАН большое значение имеет идея мультилатерализма и приоритета многосторонних институтов дипломатии. Не будучи идеальными демократиями во внутренней политике, страны ЮВА стремятся проявлять максимальный демократизм во внешней, например придерживаясь принципов консенсуса в принятии решений по интеграционным процессам. Так называемый метод АСЕАН (The ASEAN Way) подразумевает максимальный учет

интересов всех членов сообщества, где взаимное согласие фактически важнее прогресса.

Аналогичным образом принципы мультилатерализма транслируются и в более широкое международное поле вокруг АСЕАН. Группировка стремится стать центром многосторонней дипломатии в регионе через такие форматы, как АРФ, АДММ+ и ВАС. При этом АСЕАН в этих институтах видит себя как законодателя ценностей и принципов, которые должны принять все присутствующие в регионе державы и на основе которых они должны решать возникающие вопросы.

В русле такого внешнеполитического демократизма находится и отстаивание принципа многополярного мира. Страны ЮВА не хотели бы, чтобы в мире или в Азии доминировала какая-либо одна держава или остро конкурировали две. Способ избежать этого — формирование нескольких полюсов. Очевидно, одним из новых полюсов и видит себя АСЕАН. При этом идея центральной роли АСЕАН в региональной системе безопасности и ее высокого значения как полюса поддерживается не только странами ассоциации, но и крупными внешними игроками.

Консолидированность АСЕАН как группы и ее высокая роль в регионе в теории должны помочь странам-членам избежать попадания в жернова блоковой конфронтации. Например, в идеальной ситуации Вьетнаму или Филиппинам нет необходимости опираться на политическую или военную поддержку Китая или США в случае гипотетического конфликта с одной из этих стран. Конфликты должны предотвращаться не за счет повышения ставок для агрессора, а благодаря устойчивому региональному порядку, где малые государства состоят в группировке, распространившей свои ценности мультилатерализма на все государства-резиденты ЮВА.

Конечно, вышеописанная картина пока существует лишь в мечтах асеановских идеалистов. Низкий уровень полити-

ческой интеграции АСЕАН и демократичность процедур не позволяют группировке даже принимать хоть сколько-нибудь резкие заявления по важнейшим проблемам регионального политического устройства, например по проблеме Южно-Китайского моря. Страны, чувствующие угрозу от Китая, по-прежнему опираются на собственные и чужие политические, военные и экономические возможности. А те, кто, наоборот, сильно зависит от мнения Пекина, готовы подорвать абстрактное единство АСЕАН ради конкретной и осязаемой выгоды.

Можно предположить, что внешние игроки именно потому и поддерживают асеаноцентричный региональный порядок, что центр такой конструкции достаточно размыт. Мягкая середина позволяет сгибать региональную систему безопасности в разные стороны, оставляя жесткость только в виде американского военного присутствия и союзнических и партнерских отношений.

Поддержка АСЕАН и ее главенствующей роли в регионе — хороший тон, ее демократичный и позитивный образ выгоден для имиджа любого государства. Однако неизвестно, так ли сильно будут поддерживать АСЕАН внешние игроки, если она вдруг сможет работать более слаженно и обзаведется реальными регулирующими функциями.

Инструмент для России

Смысловые конструкции и аргументы, формирующие сегодня внешнеполитическую идеологию в Юго-Восточной Азии, могут быть полезны и России для продвижения выгодного ей нарратива.

Антиуниверсализм и ограниченная применимость отдельных страновых, региональных или культурных рецептов развития уже являются важной частью российской идеологии. Пример АСЕАН — аргумент в пользу того, что способствовать сближению даже очень разных в плане политической системы государств может общий интерес к экономическому развитию и сотрудничеству. Однако при

этом надо учитывать, что члены АСЕАН почти не имеют друг к другу внешнеполитических претензий и смогли успешно преодолеть негативную историю отношений.

В интересах России и акцентирование внимания на успехе государствоцентричных моделей развития ЮВА. Использование элитами сосредоточенной в их руках власти для проведения эффективных реформ сверху и привлечения иностранных инвестиций, а также интеграции их стран в региональную и глобальную экономику позволило сохранить легитимность без системных политических реформ, обеспечив высокие темпы роста и повышение уровня жизни.

Упор на многосторонние институты также полезен России. Москва может много выиграть от усиления реальной защиты мультилатерализма, реанимации главенства международного права, внедрения четких «правил игры» и развития действенных международных институтов в условиях, когда ресурсы страны почти не растут в абсолютном понимании и когда ее влияние будет падать на фоне возвышения новых акторов. Такой новый институционализм мог бы стать центральной частью российского подхода к решению проблем безопасности по всему миру — от единой и неделимой системы безопасности в Европе и плотного договорного взаимодействия с США по стратегическим вопросам до построения системы коллективной безопасности на Ближнем Востоке и правового регионального порядка в Азии вокруг сильных асеаноцентричных структур.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сегодня у России нет значительного присутствия в Юго-Восточной Азии. Недавнее усиление внимания к Азиатско-Тихоокеанскому региону может и не повлечь за собой качественного скачка в отношениях со странами АСЕАН. Дело не только в низкой базе, но и в том, что сегодня у России есть более приоритетные направления внешней политики.

Не следует пытаться превратить партнерство России со странами ЮВА в нечто грандиозное или ожидать быстрого углубления и расширения сотрудничества. Однако разумно было бы постараться извлечь максимальную выгоду из процессов, происходящих в этом динамично развивающемся регионе. Многие рынки уже заняты теми игроками, которые были здесь раньше, но рынки стран ЮВА расширяются очень быстро, постоянно появляются новые. В сотрудничестве с членами АСЕАН впереди должен идти бизнес, чьи интересы должны защищать и продвигать государственные акторы. Необходимо содействовать выходу на новые рынки ЮВА российских компаний, работающих в передовых сегментах производства и потребления.

Даже в своем нынешнем кризисном положении Россия может стать привлекательным экономическим партнером для АСЕАН. Страна остается большим рынком, а на российском Дальнем Востоке по-прежнему можно создать условия для притока — пусть небольших — асеановских инвестиций. В то же время ЮВА — перспективное направление для приложения экономических усилий в традиционных для России отраслях: энергетике, машиностроении, космосе.

В центре внешнеполитической идеологии АСЕАН находятся ценности, не чуждые современной России. Страны ЮВА могут стать союзниками Москвы в защите по-настоящему многополярного мироустройства, где отношения государств регламентируются эффективными международными институтами. Региону предстоит пройти испытание реальной политикой и великодержавными амбициями, однако итогом может стать возникновение реальной многосторонней системы регионального порядка. Россия, если ей удастся закрепиться в качестве резидентной державы в Азии, сможет принять участие в формировании этого порядка и перенести опыт строительства институтов из других регионов мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 ASEAN.org. — 2015. — December 21 // http://www.asean.org/storage/2016/01/statistic/table19_asof21Dec15.pdf; Россия — АСЕАН: Юго-Восточная Азия должна узнать деловую Россию. — Торгово-промышленные ведомости. — 2015. — 18 сентября // http://www.tpp-inform.ru/analytic_journal/6157.html.
- 2 Flows of Inward Direct Investment to ASEAN Member States by ASEAN's Dialogue Partners, 2000–2014 // [http://aseanstats.asean.org/Menu.aspx?rxid=2e597766-519a-4fc0-b43e-c66672f15cd4&px_db=4-Foreign+Direct+Investments&px_type=PX&px_language=en&px_tableid=4-Foreign+Direct+Investments\(FDIS004-FDI+FLows+to+AM S+by+country+source+2000-2014.px](http://aseanstats.asean.org/Menu.aspx?rxid=2e597766-519a-4fc0-b43e-c66672f15cd4&px_db=4-Foreign+Direct+Investments&px_type=PX&px_language=en&px_tableid=4-Foreign+Direct+Investments(FDIS004-FDI+FLows+to+AM S+by+country+source+2000-2014.px)>.
- 3 Vietnam, Russia agree to boost two-way trade to \$10b by 2020. — ThaiPBS. — 2015. — April 8 // <http://englishnews.thaipbs.or.th/vietnam-russia-agree-to-boost-two-way-trade-to-10b-by-2020>; Vietnam, Russia banks in currency deal. — The Saigon Times. — 2015. — April 9 // <http://english.thesaigontimes.vn/40335/Vietnam-Russia-banks-in-currency-deal.html>; Russia, Indonesia eye trade in national currencies. — Russia beyond the Headlines. — 2015. — April 23 // http://rbth.com/business/2015/04/23/russia_indonesia_eye_trade_in_national_currencies_45461.html.
- 4 *Groff S.P.* Keynote speech: ASEAN Integration and the Private Sector. — «German-Business Association AEC: Integration, Connectivity and Financing: What Does Regional Integration in Southeast Asia Mean for the German Business Community?», Berlin. — 2014. — June 23 // <http://www.adb.org/news/speeches/keynote-speech-asean-integration-and-private-sector-stephen-p-groff>.
- 5 World Energy Outlook Special Report on Southeast Asia 2015 // <https://www.iea.org/publications/freepublications/publication/world-energy-outlook-special-report-on-southeast-asia-2015.html>.
- 6 Trans Asean Gas Pipeline Project (TAGP). — ASCOPE. — 2015. — December 29 // <http://www.ascope.org/Projects/Detail/1060>.
- 7 *Eng Zi Guang.* Good power sector governance key to meeting Southeast Asia's electrification challenges — panellists. — SIEW. — 2015. — October 30 // <http://www.siew.sg/newsroom/siew-news/good-power-sector-governance-key-to-meeting-southeast-asia-s-electrification-challenges-panellists>.
- 8 Partnercountry Development Prospects of the ASEAN Power Sector. — International Energy Agency // https://www.iea.org/publications/freepublications/publication/Partnercountry_DevelopmentProspectsoftheASEANPowerSector.pdf.
- 9 *Daim N.* Asean member states adopt renewable energy target. — New Straits Times. — 2015. — October 7 // <https://sg.news.yahoo.com/asean-member-states-adopt-renewable-140052447.html>.
- 10 *Mann H.* Southeast Asia cleantech: Shifting priorities? — Asian Venture Capital Journal. — 2015. — November 4 // <http://www.avcj.com/avcj/analysis/2433246/southeast-asia-cleantech-shifting-priorities>.

- 11 *Vidaurri F.* Renewable Energy and Investment in ASEAN. — ASEAN Briefing. — 2015. — November 4 // <http://www.aseanbriefing.com/news/2015/11/04/renewable-energy-and-investment-in-asean.html>.
- 12 Renewables: Asean's new energy frontier? — Future Ready Singapore. — 2015. — November 5 // <http://www.eco-business.com/news/renewables-aseans-new-energy-frontier/>.
- 13 Asia's Nuclear Energy Growth. — World Nuclear Association // <http://www.world-nuclear.org/information-library/country-profiles/others/asias-nuclear-energy-growth.aspx>.
- 14 *Wan G., Kahn M.* Green urbanization in Asia. — Key indicators for Asia and the Pacific 2012. — Asian Development Bank. — 2012.
- 15 Same energy more power. — Asian Development Bank // <http://www.adb.org/sites/default/files/publication/30289/same-energy-more-power.pdf>.
- 16 *Tampubolon H.D.* Accelerating universal access to clean water: Sanitation through awareness and inspiration. — The Jakarta Post. — 2016. — January 5 // <http://www.thejakartapost.com/news/2016/01/05/accelerating-universal-access-clean-water-sanitation-through-awareness-and-inspirati#sthash.hVe3CW3Z.dpuf>.
- 17 Overview of natural hazards and their impacts. — United Nations ESCAP // http://www.unescap.org/sites/default/files/Technical%20paper-Overview%20of%20natural%20hazards%20and%20their%20impacts_final.pdf.
- 18 *Woetzel J., Tonby O., Thompson F., Burt P., Lee G.* Three paths to sustained economic growth in Southeast Asia. — McKinsey Global Institute. — 2014. — November // <http://www.mckinsey.com/global-themes/asia-pacific/three-paths-to-sustained-economic-growth-in-southeast-asia>.
- 19 ASEAN's Infrastructure Investment Needs. — Asia matters for America // <http://www.asiamattersforamerica.org/asean/data/trade/aseans-infrastructure-investment-needs>.
- 20 *Woetzel J., Tonby O., Thompson F., Burt P., Lee G.* Three paths to sustained economic growth in Southeast Asia. — McKinsey Global Institute. — 2014. — November // <http://www.mckinsey.com/global-themes/asia-pacific/three-paths-to-sustained-economic-growth-in-southeast-asia>.
- 21 *Woetzel J., Tonby O., Thompson F., Burt P., Lee G.* Three paths to sustained economic growth in Southeast Asia. — McKinsey Global Institute. — 2014. — November // <http://www.mckinsey.com/global-themes/asia-pacific/three-paths-to-sustained-economic-growth-in-southeast-asia>.
- 22 Network Readiness Index. — World Economic Forum // <http://reports.weforum.org/global-information-technology-report-2015/network-readiness-index/>.
- 23 *Woetzel J., Tonby O., Thompson F., Burt P., Lee G.* Three paths to sustained economic growth in Southeast Asia. — McKinsey Global Institute. — 2014. — November // <http://www.mckinsey.com/global-themes/asia-pacific/three-paths-to-sustained-economic-growth-in-southeast-asia>.
- 24 *Kemp S.* Digital landscape of Southeast Asia in Q4 2015. — Technasia // <https://www.technasia.com/talk/digital-southeast-asia-q4-2015>.

В статье отражены личные взгляды автора, которые не должны восприниматься как точка зрения Российского совета по международным делам.

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

Основанный Фондом Карнеги за Международный Мир Московский Центр Карнеги начал работу в 1994 г. Эта исследовательская организация объединяет ведущих российских экспертов с их международными коллегами и сотрудниками других центров Карнеги для изучения коренных проблем российской внутренней политики, экономики и международных отношений и является своего рода форумом свободной дискуссии по ключевым аспектам современной общественной жизни.

ФОНД КАРНЕГИ ЗА МЕЖДУНАРОДНЫЙ МИР

Основанный в 1910 г. Фонд Карнеги является ведущей негосударственной экспертно-аналитической организацией, специализирующейся на международных отношениях. Это первая действительно глобальная научно-исследовательская организация, имеющая офисы в Вашингтоне, Москве, Пекине, Бейруте и Брюсселе.

© 2016 *Carnegie Endowment for International Peace*. Все права защищены.

Фонд Карнеги за Международный Мир и Московский Центр Карнеги как организация не выступает с общей позицией по общественно-политическим вопросам. В публикации отражены личные взгляды автора, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги.

